

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ¹

Е. В. Попов

В статье представлены основные этапы становления институциональной экономической теории от работ К. Маркса и Ф. Энгельса через исследования Т. Веблена и Дж. Коммонса до современных модельных представлений. Подробно отмечены работы, удостоенные Нобелевской премии по экономике. Выделены теория институциональных ловушек В. Полтеровича, анализ дихотомии «потребности — возможности» в работах В. Маевского, становление института государства в исследовании А. Некипелова, модельные подходы экономики знаний В. Макарова, системно-интеграционная теория Г. Клейнера и ряд авторских результатов по институциональному моделированию. Продемонстрированы основные возможности институционального теоретического описания экономических систем.

Институциональная экономическая теория в настоящее время представляет собой вполне сформированный массив различных подходов и направлений, позволяющий успешно моделировать и прогнозировать развитие экономической деятельности.

Анализ последствий мировых экономических кризисов дает возможность говорить о необходимости замены ортодоксальной экономической теории более передовыми экономическими представлениями, в том числе о насущном требовании внедрения институционального анализа и моделирования в практику хозяйственной деятельности. Вместе с тем переход от неоклассических экономических подходов к гетеродоксальным взглядам представляется достаточно сложным и требующим значительной разъяснительной работы, в том числе по этапам становления институциональной экономической теории.

Целью настоящего исследования является обобщение основных этапов развития институциональной экономической теории с выходом на современные представления об институциональном моделировании.

От работ К. Маркса до исследований Т. Веблена и Дж. Коммонса

Основные положения институциональной экономической теории (в терминах марксистской политэкономии) были отмечены еще в исследованиях К. Маркса и Ф. Энгельса.

Так, в статье К. Пойрота и С. Павела [47] выделено, что К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали существующее демократическое государство как обслуживающее интересы класса капиталистов. Исторические примеры показали, что государство и другие институты, такие как церковь, университеты и вооруженные

силы, могут подавлять любой тип революционного радикализма. В этом смысле К. Маркс и Ф. Энгельс [42] рассматривали государство как важнейший экономико-политический институт.

Развивая мысль о предшествовании марксистских взглядов классическому институционализму, А.В. Бузгалин, А.И. Колганов и А.И. Московский пояснили, что «в той мере, в какой институты характеризуются как объективные, устойчивые, типические экономические феномены, имеющие то или иное волевое оформление, марксист может их определить как формы производственных отношений. В последнем случае понятия «институт» и «форма хозяйствования» будут во многом совпадать по своему наполнению, хотя и существенно различаться по контексту» [5].

Как писали К. Маркс и Ф. Энгельс: «Способ, каким люди производят необходимые им жизненные средства, зависит, прежде всего, от свойств самих жизненных средств, находимых ими в готовом виде и подлежащих воспроизведению. Этот способ производства надо рассматривать не только как воспроизводство физического существования индивидов. В еще большей степени это — определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни» [18, с. 19].

«Определенный образ жизни» был использован в исследованиях основоположника классического институционализма Т. Веблена как определение института, под которым он понимал «устойчивые привычки мышлений, присущие большой общности людей» [48, р. 239].

При этом Т. Веблен уже иначе относился к государству. Он превозносил управление как важнейшую систему регулирования, но не видел необходимости в государстве, считая его «ненормальным» институтом [49]. «Ненормальность» государства как института, по мнению Т. Веблена, заключалось в развитии

¹ Исследование поддержано грантами РГНФ № 11-02-00123 и РФФИ № 13-06-96024.

патриотических чувств на основе укрепления различных церемоний и хищнических инстинктов.

Вместе с тем общепризнанно, что именно Т. Веблен обратил внимание на категорию «институт» как основу экономического анализа хозяйственной деятельности.

Другой основоположник институциональной теории, Дж. Коммонс в качестве базовой единицы анализа экономической деятельности предложил рассматривать трансакцию. Согласно его исследованиям, трансакция — это процесс отчуждения и присвоения прав собственности и свобод, созданных обществом [37, р. 652]. Представление о государстве, в его понимании, может быть выражено тремя словами: принуждение, порядок и право. Что, в свою очередь, предопределяет серию трансакций рационализации.

Таким образом, основоположники марксизма и институционализма имели близкие взгляды на государственное устройство и на методологию анализа хозяйственной деятельности.

Выделим, согласно исследованию А.В. Бузгалина, А.И. Колганова и А.И. Московского [5], сходство методологических и теоретических разработок марксистской и институциональной экономических теорий.

Во-первых, для этих двух школ «характерен методологический „холизм“, акцент на действиях коллективных субъектов и социально-экономической обусловленности их поведения и интересов; индивид рассматривается как продукт определенной системы отношений (институтов). Данный метод обуславливает исследование преимущественно (марксизм) или в том числе (институционализм) общественных отношений в экономической сфере и их многообразных субъектов, делая при этом акцент на сфере производства» [5, с. 11].

Во-вторых, «для того и другого течения характерно принципиальное внимание к „стыкам“ экономических и неэкономических сфер и их взаимодействиям, в частности: экономики и технологии, экономики и права, экономики и социальных отношений, экономики и политики, экономики и управления» [5, с.12].

В-третьих, «обе школы делают акцент на наличии различных, в том числе нерыночных, экономических системах. Для современных представителей этих школ характерно особое внимание к глобальным проблемам (марксизм и классический институционализм последнего полувека)» [5, с. 12].

В-четвертых, для обеих школ характерен вывод об изменении системы экономических и социальных отношений под влиянием совершенствования технологических процессов.

В-пятых, «для обеих школ типично выделение различных способов координации, в том числе новых отношений сознательного регулирования в рамках рыночной экономики, приносимых государством и крупными корпорациями, способными оказывать локальное регулирующее воздействие на рынок. В марксизме это теории «подрыва товарного производства» (В. Ульянов) и «неполной плановости» (Цаголовская школа МГУ). Классический институционализм в свое время предложил теорию «плановой системы» (Дж. Гелбрейт). Новый институционализм также выделяет нерыночные способы координации и отмечает наличие о разных агентов экономики, так называемой неравной „переговорной силы“ и др.» [5, с. 12].

Следует подчеркнуть замечание Дж. Коммонса о том, что первым институционалистом следует считать К. Маркса [38].

Таким образом, институциональная экономическая теория, получившая свое развитие с исследований Т. Веблена и Дж. Коммонса через полувека после опубликования работ К. Маркса и Ф. Энгельса, во многом опирается на достижения марксистской теории и, следовательно, имеет фундаментальное теоретическое основание.

Вместе с тем, расцвет институциональной теории пришелся на вторую половину двадцатого столетия и в большой степени опирается на исследования Дж. Бьюкенена, Р. Коуза и Д. Норта и их последователей Л. Гурвица, О. Уильямсона, Э. Остром, получивших Нобелевские премии по экономике за развитие институциональной экономической теории.

Нобелевские премии за исследования по институциональной экономике

Дж. Бьюкенен, получивший Нобелевскую премию по экономике в 1986 г., не был представителем классического институционализма. Однако его труды, посвященные методологическому индивидуализму и оценке политики как процессу обмена во многом опирались на институциональный анализ хозяйственной деятельности.

Так, в своей нобелевской лекции Дж. Бьюкенен отмечал: «Я призвал своих коллег-экономистов, прежде чем приступать к анализу последствий различных политических мероприятий, сформулировать некоторую модель

государства, политики. Я настоятельно советовал экономистам обратиться к „конституции экономического устройства”, исследовать правила, ограничения [институты — Е. П.], в которых действуют политические деятели» [6, с. 562].

И далее: «Сделанное в XVIII в. открытие, что в институциональной системе, способствующей обмену между индивидами, этот процесс приводит к результатам, которые могут оцениваться позитивно в научном смысле, породило „экономику” как самостоятельную экономическую дисциплину или науку. Связь между позитивно оцениваемыми результатами рыночных процессов и институциональными характеристиками самих этих процессов проявила себя как источник двусмысленности, когда „рынок” стал интерпретироваться функционально, т. е. так, как если бы нечто, называемое „экономикой”, существовало исключительно ради максимизации ценности. Эффективность распределения ресурсов тогда оказывается определяемой независимо от процессов, посредством которых индивиды осуществляют акты выбора» [6, с. 563].

Демонстрируя необходимость учета выбирающего поведения индивида во всех ситуациях выбора, в том числе и в политических процессах, Дж. Бьюкенен призывал анализировать любого индивида как *homo economicus* (человека экономического) при оценке любых процессов обмена.

Он отмечал: «Значимое различие между рынками и политикой лежит не в типах ценностей интересов, которые преследуют индивиды, а в условиях, в которых они преследуют свои разные интересы. Политика — это структура сложного обмена между индивидами, структура, в которой индивиды стремятся коллективно обеспечить свои собственные, частным образом определенные цели, которые нельзя реализовать посредством простых рыночных обменов. Если отсутствует индивидуальный интерес, то вообще нет никаких интересов» [6, с. 566].

Исходя из учета индивидуальных интересов политических деятелей Дж. Бьюкенен призывал к формированию конституции экономической политики, т. е. свода правил, определяющих ограничения деятельности тех или иных индивидов. Во многом на основе работ Дж. Бьюкенена была сформирована неинституциональная теория общественного выбора.

Р. Коуз, получивший Нобелевскую премию по экономике в 1991 г., известен, прежде всего,

как автор термина «транзакционные издержки».

В своей нобелевской лекции он отмечал: «Как можно было примирить сформулированные экономистами взгляды на роль системы цен и невозможность спешного централизованного планирования с существованием менеджмента и действовавшими внутри нашей собственной экономики обществами, фирмами, которые являлись, очевидно, плановыми? Я нашел ответ к лету 1932 г. Он заключался в том, чтобы осознать существование издержек, связанных с использованием ценового механизма. Прежде всего, требуется установить цены. Для этого нужно провести переговоры, заключить контракты, выполнить разного рода проверки, заключить соглашения по улаживанию разногласий и т. д. Эти издержки получили название издержек транзакций (транзакционных издержек). Их существование означает, что альтернативные рынку методы координации, которые сами по себе связаны с определенными издержками и несовершенны, могут, тем не менее, оказаться более предпочтительными в сравнении с теми, что основаны на ценовом механизме» [9, с. 681].

Введение транзакционных издержек позволило Р. Коузу обозначить границы фирмы из сравнения внутрифирменных и рыночных затрат, а также необходимость внутрифирменного планирования хозяйственной деятельности. В своей знаменитой статье «Природа фирмы» он писал: «В основанной на конкуренции системе должен быть некоторый оптимальный уровень планирования. Это связано с тем, что фирма, являясь небольшим плановым сообществом, могла бы продолжать существовать только в случае выполнения ею координирующей функции с меньшими затратами по сравнению с теми, которые требуются при осуществлении координации путем рыночных сделок, а также если эти затраты ниже, чем аналогичные затраты у другой фирмы. Чтобы располагать эффективной экономической системой, необходимо иметь не только рынки, но и области планирования внутри организаций» [35].

Оценка транзакционных издержек позволила и по-иному взглянуть на результаты осуществляемых соглашений. В другой знаменитой статье «проблемы социальных издержек» Р. Коуз сформулировал следующую теорему: «В режиме нулевых транзакционных издержек — предположение стандартной экономической теории — переговоры между сторонами приводили бы к соглашениям, заключаемым исходя

из максимизации благосостояния. Последнее никак не связано с изначальным распределением имущественных прав» [35].

В своей нобелевской лекции Р. Коуз отмечал: «Я склонен расценивать теорему Коуза как ступень на пути к анализу экономики с положительными издержками транзакций. ...Если мы перейдем от режима нулевых издержек транзакций к режиму положительных издержек, то тотчас становится ясна принципиальная важность правовой системы в этом новом мире. Как я объяснял в „Проблемах социальных издержек“, то, что продается на рынке, не является, как это часто предполагают экономисты, физическими объектами. Продаются права на осуществление определенных действий с физическими объектами. При этом права, которыми обладают индивидуумы, устанавливаются правовой системой» [9, с. 684].

Далее Р. Коуз распространил необходимость правовой системы на торговлю, поскольку даже на биржах деятельность участников торговых сделок и условия оплаты устанавливаются руководством биржи. Следовательно, по мнению Р. Коуза, «это делает малосодержательным проводимое экономистами обсуждение процесса обмена без конкретизации институционального устройства, в рамках которого происходит торговля, поскольку последнее влияет на стимулы производства и издержки транзакций. ...Процесс заключения контрактов требует исследования в том виде, в каком он существует в реальном мире. Тогда бы мы изучили проблемы, с которыми столкнулись, а также пути их преодоления и, наверное, осознали бы богатство институциональных альтернатив, среди которых надлежит сделать выбор» [9, с. 685].

Основной вклад лауреата Нобелевской премии 1993 г. Д. Норта в экономическую науку связан с разработкой методологической проблемы оценки изменений институциональной структуры со временем. В нобелевской лекции он отметил: «Социальные институты образуют побудительную или стимулирующую структуру общества, а политические и экономические институты являются соответственно базовыми детерминантами — определяющими факторами экономической деятельности. Во взаимосвязи с экономическими и социальными изменениями время представляет собой измерение, в котором развитие институтов происходит через процесс обучения людей» [27, с. 708].

Также хорошо известно, что Д. Норт дал классическое определение институтов: «Институты представляют собой «правила игры» в обще-

стве, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Они состоят из формальных ограничений (принципов, правил, законов), неформальных ограничений (норм поведения, соглашений, договоренностей и добровольно принятого самоограничения), а также механизмов давления, принуждающих индивидов к их соблюдению. Вместе они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия в обществе, и в особенности в экономике. Институты и применяемые технологии обуславливают транзакционные и трансформационные издержки, добавляемые к издержкам производства» [27, с. 709].

Эмпирическое исследование транзакционных издержек позволило Дж. Уоллису и Д. Норту установить, что в 1970 г. на транзакционные издержки приходилось порядка 45 % валового национального продукта США [50].

Также Д. Норт отмечал, что «если наличествуют транзакционные издержки, важнейшее значение приобретают институты. ... Взаимодействие институтов и организаций определяет институциональную эволюцию экономики. Если институты представляют собой правила игры, то организации и те, кто входит в них, являются игроками».

Далее он отмечал: «Институты — формальные правила и неформальные нормы поведения — преобразуют систему верований в общественные и экономические структуры. Взаимосвязь между мысленными моделями и институтами глубоко интимна. Мысленные модели представляют собой внутренние представления, порождаемые индивидуальными когнитивными системами для объяснения происходящего в окружающей среде; институты являются внешними (по отношению к разуму) механизмами, создаваемыми индивидами во имя структуризации и упорядочения окружения» [27, с. 715].

Нобелевская премия по экономике 2007 г. была вручена Л. Гурвицу, Р. Майерсону и Э. Маскину за «основополагающий вклад в теорию экономических механизмов».

Отметим, опираясь на результаты исследования С. Измалкова, К. Сонины и М. Юдкевич [7], основные результаты работ нобелевских лауреатов 2007 г.

Основным вкладом Л. Гурвица в экономическую науку является сама концепция экономического механизма. Заслуга Л. Гурвица состоит в демонстрации необходимости формального моделирования передачи информа-

ции в экономических процессах и системах, в рамках различных задач, требующих агрегирования информации индивидуальных субъектов. Л. Гурвиц предложил язык для такого анализа, в том числе ввел понятия механизма и условия совместимости стимулов, выявил основные направления исследования механизмов, в частности в рамках дискуссии о важности децентрализованных механизмов. Он предложил исследовать децентрализованные рыночные механизмы — и для того, чтобы понять, как и почему реальные рынки собирают и передают информацию, и для того, чтобы можно было создавать специальные механизмы для решения конкретных проблем. Идеи Л. Гурвица о важности, необходимости и выгоде формального анализа взаимоотношений субъектов при наличии асимметричной информации служат отправной точкой во многих областях современной экономической теории. Среди них теория аукционов и приватизации, теория отраслевых рынков, теории фирмы и контрактов, теория голосования, теория механизмов и имплементации и многие другие. В этом смысле результаты Р. Майерсона и Э. Маскина являются одними из самых ярких примеров применения идей Л. Гурвица [7, с. 6-7].

Статья Р. Майерсона об оптимальных аукционах, написанная в 1981 г., давно стала классикой экономической науки [44]. Ее три основные составляющие выглядят так: принцип выявления, теорема об эквивалентности доходов, общее описание устройства оптимальных аукционов. Теорема об эквивалентности доходов: любые два механизма с равновесиями с одинаковыми функциями распределения, в которых игроки одного конкретного типа получают одинаковую полезность, дают продавцу одинаковый ожидаемый доход. И теорема об эквивалентности доходов, и описание оптимальных аукционов лежали в основе аргументов во всех дискуссиях о практическом устройстве крупных аукционов конца XX в. — начала XXI в., прежде всего аукционов на частоты мобильного спектра в США и Европе [7, с. 11].

Фундаментальный вклад Э. Маскина в теорию экономических механизмов заключается в следующем: он сформулировал задачу имплементации, требующую, чтобы все равновесия получаемых механизмов приводили к желаемой экономической функции [43]; определил условия, необходимые для имплементации, в частности условия монотонности для имплементации по Нэшу; предложил конкретные механизмы, в частности универсальный механизм имплементации [7, с. 18].

Современная теория экономических институтов во многом базируется на теории экономических механизмов. Л. Гурвиц писал: «Наша задача — облегчить коммуникацию, интегрировав институциональные феномены в модели, которые были построены для изучения экономик, систем голосования и организаций. Прежде всего, нас интересуют экономические институты, однако некоторые аспекты модели являются достаточно общими, и их можно применить также к анализу политических и иных социальных институтов. В самом деле, эти неэкономические аспекты не могут быть оставлены без внимания, поскольку создание, имплементация и система принуждения к соблюдению правил являются основными элементами модели. Нашей отправной точкой станет теория экономических механизмов» [39].

Л. Гурвиц в своем понимании института близок к Д. Нортю. Он писал: «Что касается семантики, термином „институт“ могут обозначаться как правила, так и результирующие форматы поведения. Рынок является таким примером. Но с точки зрения выбора политики представляется логичным, что именно правила могут быть подвержены намеренным изменениям, в то время как изменение поведения в рамках этих правил является следствием. В силу этого мы склоняемся к рассмотрению институтов как правил, нежели институтов как форматов поведения» [39].

Отсюда Л. Гурвиц делает попытку формализовать понятие института на основе понятия экономического механизма. Экономический механизм, по Л. Гурвицу, задает множество выборов экономических субъектов и связанных с каждым из этих выборов результатов. В этом смысле механизм задает систему стимулов и близок тем самым к понятию экономического института, который тоже за счет создания правил структурирует выигрыши от тех или иных стратегий, выстраивая систему стимулов [7, с.23].

В 2009 г. Нобелевская премия по экономике была вручена О. Уильямсону и Э. Остром «за построение теории управления трансакциями».

Отметим, в соответствии с результатами исследования Я. Кузьмина и М. Юдкевич [10], основные достижения нобелевских лауреатов 2009 г.

О. Уильямсона можно считать одним из тех исследователей, кто внес наибольший вклад в развитие и распространение идей Р. Коуза. Отталкиваясь от вопроса, поставленного Р. Коузом (почему некоторые трансакции со-

вершаются на рынке, а некоторые — в фирме?), О. Уильямсон рассматривает фирму и рынок как альтернативные механизмы правления транзакциями, делая акцент на сравнительных преимуществах и недостатках каждого [51].

Безболезненное разрешение конфликтов и улаживание противоречий между участниками рыночной сделки на конкурентном рынке основано, в частности, на том, что если компромисс не будет найден, стороны всегда могут найти себе других партнеров по сделке. Если же стороны связаны отношениями взаимозависимости, то разрешение споров самими участниками контрактных отношений может оказаться проблематичным. Поэтому один из параметров, определяющих выбор между институциональными альтернативами, по мнению О. Уильямсона, — это уровень специфичности активов [10, с. 86].

Если актив, участвующий в транзакции, специфичен (то есть не может быть использован вне ее рамок без существенной потери стоимости) и рыночные механизмы связаны с высокими переговорными издержками, то возникает спрос на другие механизмы управления, что приводит к формированию иерархических механизмов типа фирмы либо гибридных организаций [52].

Чем выше степень сложности транзакции и уровень специфичности задействованных в ней активов, тем выше стимулы к созданию единого управления в виде фирмы. Центральным элементом теории О. Уильямсона становятся именно издержки переговорного процесса в условиях «связанности» сторон.

В этом смысле работы О. Уильямсона и Э. Остром дополняют друг друга. О. Уильямсон изучает границы эффективного функционирования тех или иных формальных правил. Э. Остром, в свою очередь, исследует практику институциональных соглашений там, где государство не способно создать, либо не может в полной мере заставить соблюдать введенные им формальные правила [10, с. 89].

Устойчивое существование режимов коллективной собственности по Э. Остром возможно только в тех случаях, когда дизайн системы для эксплуатации ресурсов коллективного пользования соответствует определенному набору принципов [46]: наличия четких границ группы и четкой спецификации локальных правил использования ресурсов, вовлеченности участников группы в процессы установления и модификации правил, участия в мониторинге за соблюдением правил, наличия механизмов разрешения конфликтов, ми-

нимального признания права на самоорганизацию со стороны официальных властей.

Институциональное описание экономической системы

К началу двадцатого века в экономической науке сформировался комплекс идей, знаменовавших собой значительный разрыв с постулатами ортодоксальной неоклассической теории [25]. Такой подход впервые был представлен в трудах Т. Веблена «Почему экономика не эволюционная наука?» (1898) и «Место науки в современной цивилизации» (1919). Отвергнув представление о человеке как атомарном субъекте экономической деятельности, Т. Веблен предложил понятие институтов как «устойчивых привычек мышлений, присущих большей общности людей» [48]. В дальнейшем институционализм получил всестороннее развитие в трудах Дж. Коммонса, создавшего теорию транзакций как любого вида передачи правового контроля от одного лица к другому, и развившего учение Веблена об эволюционном отборе институтов, а также в работах У. Митчелла, который занимался изучением прикладных вопросов экономической динамики, в том числе развитием хозяйственных циклов.

В первые послевоенные десятилетия институциональное направление утратило свою роль в экономической науке из-за того, что сосредоточилось на эмпирических исследованиях, пренебрегая изучением фундаментальных экономических вопросов. В 1960–1980-е гг. ряд известных ученых ассоциировали себя с институционализмом: К. Эйрс (взаимосвязь культуры и хозяйственной деятельности), Дж. Гэлбрэйт (модификация рыночной системы под влиянием крупных корпораций), Г. Мюрдаль (анализ социальных систем), Я. Корнай (критика принципа равновесия) [25, с. 75].

В 1960-е гг. происходит условное разделение на традиционный институционализм и неинституциональную теорию. Представители нового институционализма (Д. Норт, О. Уильямсон, Г. Демсец и др.) считают институты не столько культурным или психологическим феноменом, сколько набором правовых норм и неформальных правил, жестко направляющих поведение экономических агентов [34].

Необходимость моделирования развития экономических систем от существующих равновесных положений к новым квазиравновесным состояниям привела к формированию эволюционной экономической теории. Эволюционная теория вобрала в себя основные понятия теории биологической эволю-

ции Ч. Дарвина: наследственность, изменчивость, отбор. Формирование данной теории прошло путь от теоретических предпосылок Т. Веблена, через теорию эволюционного развития Й. Шумпетера к моделям эволюционного развития экономических систем Р. Нельсона — С. Уинтера [45].

Следует отметить, что необходимость институционального анализа современной экономической жизни приводит к учету социальных норм в поведении экономических агентов, что, как отмечает О.Т. Богомолов, является необходимой нормой развития рыночной экономики [4].

Российские исследования по институциональному моделированию

На пути формализации и математизации наблюдаемых экономических явлений лежит магистральное направление развития экономической науки. И это великолепно показали результаты всероссийских симпозиумов по экономической теории [23, 24]. При этом возможности формализации институциональной экономической теории позволили российским ученым получить ряд выдающихся результатов [30].

Создание теории институциональных ловушек В. Полтеровичем дало возможность моделирования и прогнозирования последствий реформирования российской экономики. На основе анализа принципов координации, обучения, культурной инерции, гистерезиса и других эффектов формирования институциональных ловушек стала возможной оценка результатов применения тех или иных хозяйственных нововведений. Например, хорошо известна позиция В. Полтеровича против введения банковской ипотеки в российских условиях в пользу внедрения ссудно-сберегательных касс. И эта позиция была озвучена до введения ипотечного кредитования в российской практике жилищного строительства. Математическая же оценка ожидаемых результатов была проведена именно на основе институционального моделирования.

Дальнейшее развитие теория институциональных ловушек получила в работах Е. Балацкого [2]. Разработанная им модель «диссертационной ловушки» была опубликована задолго до недавнего реформирования ВАК [1]. Решением данной институциональной модели явились две рекомендации, взятые сегодня научными чиновниками на вооружение, а именно, увеличенная динамика роста заработной платы научных работников против

возможностей теневого заработка и концентрация диссертационных советов только в авторитетных научных организациях. Следует отметить постоянное развитие модельных исследований Е. Балацкого [3].

Хороший обзор математического рассмотрения институциональной деятельности представлен в монографии А. Некипелова [22]. В монографии предложен новый подход к построению экономической теории, основанный на логической последовательности возникновения институциональных систем на микро- и макроэкономическом уровнях. Для моделирования потребительского выбора в условиях рыночной экономики применена функция Лагранжа, решение уравнения по которой осуществлено в матричной форме. Предложено экономико-теоретическое моделирование функционирования института банковской деятельности в виде совместного решения системы уравнений, описывающих изменения денежной базы, денежного предложения, денежного мультипликатора при изменяющихся параметрах наличности в обращении, депозитов, резервов банковской системы и норм резервирования. Обоснование института страхования и оценка страховой премии осуществлены по максимизации математического ожидания полезности денежного дохода исходя из вида функции полезности фон Неймана — Моргенштерна.

Яркой иллюстрацией полезности «математического» институционализма является хорошо известное исследование В. Маевского о связи эволюционной экономической теории и ортодоксальной теории [14]. В данном исследовании показано, что ортодоксальная неоклассическая теория может быть рассмотрена как часть эволюционной теории, если вместо более частной дихотомии «спрос — предложение» анализировать более общую пару категорий «потребности — возможности». Изменение институционального окружения, которое позволяет новатору извлекать предпринимательскую прибыль, при переходе новатора в позицию консерватора (по Й. Шумпетеру) резко снижает эту предпринимательскую прибыль до равновесной, и дальнейшее поведение хозяйственных систем описывается уже в рамках неоклассического подхода.

Формализация институционального описания деятельности хозяйствующих субъектов позволила Г. Клейнеру разработать многоуровневую модель развития предприятия [8]. Автором модели выделены следующие уровни факторов, рассматриваемые снизу вверх по

структуре пирамиды хозяйственной деятельности: ментальные особенности участников деятельности предприятия; культурные особенности внутрифирменной среды; нормативные особенности предприятия; когнитивные механизмы, социально-экономический генотип; организационно-управленческие и технологические особенности; поведенческие паттерны; опыт рыночного функционирования предприятия. В реальности на предприятии эти слои перемешаны, и каждый из них распространяется на все предприятие в целом. Вместе с тем между ними существует определенная соподчиненность. Именно иерархичность этих слоев служит идейной основой для существования стратегического планирования как одной из обязательных внутренних функций предприятия.

Эмпирические исследования институциональной структуры российских предприятий доказали правомерность теории Г. Клейнера. Так, исследование более 150 российских предприятий (как отмечено выше) показало значительное различие времени жизни внутрифирменных институтов от 17 лет для институтов ментального уровня до 3 лет для институтов рыночного уровня хозяйствования [29].

Таким образом, «математический» институционализм позволяет прогнозировать развитие экономических систем и является важнейшим направлением становления и дальнейшего формирования современной экономической теории.

Еще более применимо институциональное моделирование к описанию экономики знаний [32].

Как отмечает В. Макаров [16], термин «экономика знаний» был введен в научный оборот австроамериканским ученым Фрицем Махлупом в 1962 г. в применении к одному из секторов экономики [41]. Сейчас этот термин, наряду с термином «экономика, базирующаяся на знаниях», используется для определения типа экономики, в котором знания играют решающую роль, а производство знаний является источником роста экономики. Учет развития экономики знаний лежит в основе экономического роста и качества жизни населения [13], а также в основе теоретических взглядов на выбор экономического курса в современной России [21].

Измерение знаний — методологически очень тонкая вещь, поскольку знания — это продукт, с одной стороны, частный, а с другой — общественный, принадлежащий всем [31]. Поэтому, подчеркивает В. Макаров, сложились

два подхода к измерению знаний: по затратам на их производство и по рыночной стоимости проданных знаний. Затраты включают расходы на исследования и разработки, на высшее образование, на программное обеспечение [15].

Знания в значительной степени являются общественным благом, а акт признания публичного блага состоит в его использовании в той или иной форме [20]. Акт потребления знания состоит, как минимум, в осуществлении запроса. Запрос есть проявление интереса, готовность к более детальному потреблению данного общественного блага. Отсюда В. Макаров делает вывод о том, что экономику знаний можно оценить двумя способами. Во-первых, со стороны входа, т. е. на основе оценки общего объема затрат на развитие сектора, в котором вырабатываются и распространяются новые знания. Во-вторых, со стороны выхода, т. е. на основе оценки вклада по валовой добавленной стоимости отраслей, которые в основном и потребляют новые знания. Подобное сравнение входных и выходных параметров позволяет анализировать сбалансированность развития национальной экономики знаний.

Отметим, что теория экономики знаний накладывает свой отпечаток на развитие многих научных направлений. Так, в статье В.А. Медведева [19] на основе формализма экономики знаний рассмотрена трансформация стоимости, основанной на взаимозаменяемости ресурсов и во все большей степени на знаниях. Автор предлагает критический анализ отрицания товарно-денежных отношений в советском хозяйстве, концепции преодоления товарного производства и деструкции стоимости в постиндустриальной экономике, высказывает аргументы в пользу синтеза теории трудовой стоимости и полезности. В статье В.В. Кулешова обсуждаются перспективы развития экономики знаний применительно к отечественным условиям [11], Д.С. Львов формирование знаний выделяет как один из основных блоков управления научно-техническим развитием [12].

Экономико-теоретические исследования показывают, что оценка и прогнозирование развития экономики знаний наиболее обоснованы применением аппарата институциональной экономики [17].

Таким образом, достижения российских исследователей в развитии инструментального и модельного аппарата институциональной экономики достаточно очевидны. Полагаю, что последние научные результаты по институциональной экономике можно услышать

на Всероссийских симпозиумах по экономической теории, Пущинских симпозиумах по эволюционной экономике, Кондратьевских и Шаталинских чтениях, семинарах по институциональной экономике в Институте экономики РАН и других отечественных научных конференциях.

После провала неоклассического мэйн-стрима, не сумевшего предвидеть нынешний мировой экономический кризис, на первые роли в экономико-теоретических построениях выходят возможности институциональной экономики. Без сомнения, «основным течением» экономико-теоретической мысли двадцать первого века будет институциональный анализ хозяйственной деятельности, уже сейчас являющийся ядром «гетеродоксальной экономики».

Проведенный анализ становления институциональной экономической теории позволяет сделать следующие теоретические выводы.

Во-первых, институциональная экономическая теория, получившая свое развитие с исследований Т. Веблена и Дж. Коммонса через полувек после опубликования работ К. Маркса и Ф. Энгельса, во многом опирается на достижения марксистской теории и, следовательно, имеет фундаментальное теоретическое основание.

Во-вторых, расцвет институциональной теории пришелся на вторую половину двадцатого столетия и связан с исследованиями Дж. Бьюкенена, Р. Коуза и Д. Норта, и их последователей Л. Гурвица, О. Уильямсона, Э. Остром, получивших Нобелевские премии по экономике за развитие данной экономической теории.

В-третьих, сердцевиной институционального описания экономических систем является эволюционный характер развития институциональных структур. В этом смысле современная институциональная теория вплотную смыкается с эволюционной экономической теорией и может рассматриваться как единое целое — институционально-эволюционная теория.

В-четвертых, институциональное моделирование позволяет значительно расширить экономико-теоретический аппарат описания и прогнозирования хозяйственной деятельности. Заслуга российских ученых состоит в углублении и расширении возможностей институционального моделирования.

Таким образом, становление институциональной экономической теории позволяет говорить о формировании мощного экономико-теоретического аппарата описания и прогнозирования экономической деятельности, сопоставимого и, возможно, превосходящего по своим возможностям ортодоксальную экономическую теорию.

Список источников

1. Балацкий Е. В. Диссертационная ловушка // Свободная мысль — XXI. — 2005. — № 2. — С. 5-25.
2. Балацкий Е. В. Концепция сложности и экономическая теория демократии // Общество и экономика. — 2013. — № 5. — С. 5-25.
3. Балацкий Е. В. Экстернальные факторы эволюции институтов // Общество и экономика. — 2006. — № 1. — С. 157-177.
4. Богомолов О. Т. Российской нормой должна стать социально-ориентированная рыночная экономика // Экономическая наука современной России. — 2000. — № 5. — С. 37-40.
5. Бузгалин А. В., Колганов А. И., Московский А. И. Марксизм и институционализм: сравнительное исследование // Вестник МГУ. — 2012. — № 5. — С. 3-18. (6. Экономика).
6. Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики // Мировая экономическая мысль / Отв. ред. Г. Г. Фетисов. Т. 5. Лекции нобелевских лауреатов. — М.: Мысль, 2004. — С. 561-574.
7. Измалков С., Сонин К., Юдкевич М. Теория экономических механизмов // Вопросы экономики. — 2008. — № 1. — С. 4-26.
8. Клейнер Г. Б. Системная парадигма и теория предприятия // Вопросы экономики. — 2002. — № 10. — С. 47-69.
9. Коуз Р. Институциональная структура производства // Мировая экономическая мысль / Отв. ред. Г. Г. Фетисов. Т. 5. Лекции нобелевских лауреатов. — М.: Мысль, 2004. — С. 676-687.
10. Кузьминов Я., Юдкевич М. За пределами рынка. Институты управления транзакциями в сложном мире // Вопросы экономики. — 2010. — № 1. — С. 82-98.
11. Кулешов В. В. Пространство, открытое знаниям // ЭКО. — 2003. — № 5. — С. 4-20.
12. Львов Д. С. Управление научно-техническим развитием // Проблемы теории и практики управления. — 2004. — № 3. — С. 63-67.
13. Львов Д. С. Экономический рост и качество жизни // Экономика и управление. — 2004. — №2. — С. 6-13.
14. Маевский В. И. О взаимоотношениях эволюционной теории и ортодоксии // Вопросы экономики. — 2003. — №11. — С. 4-14.
15. Макаров В. Л. Контуры экономики знаний // Экономист. — 2003. — № 3. — С. 3-15.
16. Макаров В. Л. Экономика знаний. Уроки для России // Вестник РАН. 2003. — Т. 73. — № 3. — С. 450-456.

17. Макаров В. Л., Клейнер Г. Б. Микроэкономика знаний. — М.: Экономика, 2007.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. — М.: Политиздат. Т. 3.
19. Медведев В. А. О стоимости в современной экономике // Вопросы экономики. — 2003. — № 11.
20. Некипелов А. Д. Глобализация и стратегия развития России // Проблемы прогнозирования. — 2001. — № 4. — С. 3-16.
21. Некипелов А. Д. О теоретических основах выбора экономического курса в современной России // Экономическая наука современной России. — 2000. — № 5. — С. 14-22.
22. Некипелов А. Д. Становление и функционирование экономических институтов. — М.: Экономистъ, 2006. — 328 с.
23. Некипелов А. Д., Татаркин А. И., Попов Е. В. Современная экономическая теория. Систематизация накопленного // Вестник РАН. — 2004. — Т. 74. — № 3. — С. 255-259.
24. Некипелов А. Д., Татаркин А. И., Попов Е. В. Экономическая теория. Российские научные школы // Экономическая наука современной России. — 2008. — № 4. — С. 153-166.
25. Нестеренко А. Н. Современное состояние и основные проблемы институционально-эволюционной теории // Вопросы экономики. — 1997. — № 3. — С. 42-57.
26. Нестеренко А. Н. Экономика и институциональная теория. М.: Эдиториал УРСС, 2002.
27. Норт Д. Экономическая деятельность в масштабе времени // Мировая экономическая мысль / Отв. ред. Г. Г. Фетисов. Т. 5. Лекции нобелевских лауреатов. — М.: Мысль, 2004. — С. 707-723.
28. Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. — 1999. — Т. 35, № 2. — С. 3-20.
29. Попов Е. В. Миниекономические институты // Вопросы экономики. — 2005. — № 12. — С. 96-108.
30. Попов Е. В., Власов М. В. Институты миниекономики знаний. — М.: Academia, 2009. — 288 с.
31. Попов Е. В., Власов М. В., Симахина М. О. Территориальная модель институтов развития предпринимательства // Журнал экономической теории. — 2010. — № 2. — С. 19-38.
32. Попов Е. В., Власов М. В., Симахина М. О. Экономика знания. Институты регионального развития // Журнал экономической теории. — 2009. — № 3. — С. 5-12.
33. Попов Е. В., Сергеев А. М. Современный российский институционализм: к продолжению дискуссии // Вопросы экономики. — 2010. — № 2. — С. 103-116.
34. Рихтер Р. Новая институциональная экономическая теория. Первые шаги, сущность, перспективы // Российский журнал менеджмента. — 2006. — Т. 4. — № 1. — С. 79-112.
35. Coase R. H. The Nature of the Firm // *Economica*. N.S. — 1937. — Vol. 4. No 10. — P. 386-405.
36. Coase R. H. The Problem of Social Costs // *Journal of Law and Economics*. — 1960. — Vol. 3. — N1. — P. 1-44.
37. Commons J. Institutional Economics // *American Economic Review*. — 1931. — Vol. 21. — No 4. — P. 652.
38. Commons J. R. Marx Today. Capitalism and Socialism [1925] // *Journal of Institutional Economics*. — 2009. — Vol. 5. — No 1. — P. 117-136.
39. Hurwicz L. Implementation and Enforcement // *Political Economy, Institutions, Competition and Representation* / W. A. Barnett, M. J. Hinrich, N. J. Schofield (eds.). — Cambridge: Cambridge University Press, 1993. — P. 51-59.
40. Hurwicz L. Toward a Framework for Analyzing Institutions and Institutional Change // *Markets and Democracy* / S. Bowles, H. Gintis, B. Gustafson (eds.). — Cambridge: Cambridge University Press, 1993. — P. 51.
41. Machlup F. The Production of Information and Knowledge. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1962.
42. Marx K. & Engels F. [1848]. Karl Marx and Friederich Engels. Selected works. — New York: International Publishers, 1968.
43. Maskin E. Nash Equilibrium and Welfare Optimality // *Review of Economic Studies*. — 1999. — Vol. 66. — No 1. — P. 23-38.
44. Myerson R. Optimal Auction Design // *Mathematics of Operation Research*. — 1981. — Vol. 6. — No 1. — P. 58-73.
45. Nelson R., Winter S. An Evolutionary Theory of Economic Change. — Cambridge: Harvard University Press, 1982.
46. Ostrom E. Collective Action and the Evolution of Social Norms // *Journal of Economic Perspectives*. — 2000. — Vol. 14. — No 3. — P. 137-158.
47. Poirot C., Pavel S. R. The State, Public Policy and Heterodox Economics. An Introduction // *For Social Economics*. — 2008. — Vol. 37. — No 1. — P. 1-12.
48. Veblen T. The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays. — N.Y.: Huebsch, 1919.
49. Veblen T. Why is Economics not an Evolutionary Science // *Quarterly Journal of Economics*. — 1898. — Vol. 12. — No 4. — P. 373-397.
50. Wallis J., North D. Measuring the transaction sector in the American economy, 1870-1970 // *Long-Term Factors in American Economic Growth* / Ed. by Stanley L. Engerman and Robert E. Gallman. — Chicago: University of Chicago Press, 1986. — P. 95-148.
51. Williamson O. E. Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications. — New York: Free Press, 1975.
52. Williamson O. E. Comparative Economic Organization: the Analysis of Discrete Structural Alternative // *Administrative Science Quarterly*. — 1991. — Vol. 36. — No 2. — P. 269-296.

УДК 330.341.2

Ключевые слова: экономические институты, трансакции, нобелевские премии по экономике, институциональное моделирование